

...Делать сложно — очень просто. А вот сделать просто — это очень сложно. Главное для конструктора — это умение отрешиться от шаблона прежних систем, совершить решительный и качественный скачок, новый поворот в конструкторском мышлении, и помнить, что при создании оружия нет мелочей: каждый лишний паз, соединение, деталь ведут к усложнению оружия, его эксплуатации.

Г. С. Шпагин

С первых дней Великой Отечественной войны советской промышленности пришлось перевооружаться буквально на ходу. Сотни заводов из западных регионов страны в спешном порядке эшелонами эвакуировались в глубокий тыл. Нередко военная продукция производилась прямо в цехах под открытым небом. Но именно там, в холодных цехах, где у станков стояли женщины и подростки, рождалось оружие нашей Победы — непобедимые “тридцатьчетвёрки”, “Илы” и “Яки”; смертоносные “катюши” и легендарные ППШ... Они-то и принесли нам Великую Победу!

В этой связи следует заметить, что затерявшийся в глубоком тылу городок Вятские Поляны Кировской области в годы Великой Отечественной в прямом смысле находился на переднем крае. Ведь именно отсюда отправлялись на фронт знаменитые ППШ — оружие, над выпуском и усовершенствованием которого в этом городе всю войну — день и ночь — трудился его конструктор, **Георгий Семёнович Шпагин**.

На берега Вятки известный оружейник приехал вскоре после начала войны, осенью 1941 года, вместе с коллективом эвакуированного из подмосковного Загорска (ныне — г. Сергиев Посад) военного завода №367. И сразу же окунулся в тяжёлую работу по налаживанию на бывшей шпульной фабрике (так называемой “шпульке”) конвейерного производства нового советского автомата.

А теперь — стоп! Первым местом, куда я отправился по приезду в Вятские Поляны в поисках информации о легендарном оружейнике, был местный исторический музей. Вот там-то, едва заговорив об автомате, мне пришлось услышать укоризненную нотку: ППШ — не автомат; ППШ — “пистолет-пулемёт

Шпагина”. Проинформировали, надо думать, для того, чтоб с самого начала ясныенко было. Да-да, быстро, почти виновато согласился я, поймав себя на мысли, что, во-первых, вся страна (да что там – весь мир!) находится в твёрдом убеждении, что ППШ – легендарный советский автомат; а во-вторых, мне впервые пришлось задуматься над очевидным и почти невероятным: а почему, собственно, пистолет – и в то же время пулемёт? Это что же за пулемёто-пистолет такой – и при этом... не автомат? Пришлось и тут порываться в поисках истины... Впрочем, овчинка стоила выделки: как-то совсем не укладывалось в голове, что наш “автомат Победы” вовсе даже и не автомат. Тогда – что же?..

Так вот, ни пистолетом, являющимся личным оружием самообороны в ближнем бою, ни тем более пулемётом пистолет-пулемёт назвать нельзя. Ибо это самостоятельный вид оружия. По сути, автоматический карабин, то есть облегчённая винтовка с укороченным стволом, способная стрелять очередями. Тогда при чём здесь пистолет? Ещё проще: пистолет-пулемёт конструировался под пистолетный патрон. Это позволяло использовать более простую и дешёвую технологию производства оружия при высокой надёжности, меньших габаритах и массе. И всё это при высоком темпе стрельбы (до 1 000 выстрелов в минуту!) в сочетании с почти неощутимой отдачей. Своего рода маленький пулемёт, стреляющий на близкое расстояние пистолетными патронами. Мечта любого оружейника!

Принципиальное отличие автомата как такового (иногда его ещё называют штурмовая винтовка) от пистолета-пулемёта заключается лишь в одном: последний заряжается пистолетными патронами, в то время как автомат – так называемыми промежуточными (между винтовкой и пистолетом) патронами. Таким образом, пистолет-пулемёт, по большому счёту, является тем же автоматом. Вот и вся разгадка. Поэтому не смущайтесь, называя ППШ автоматом.

* * *

Путь от батрака до Великого Конструктора был непрост и тернист. Батрацкое детство, полуголодная жизнь в многодетной семье, проживавшей в деревне Ключниково под Ковровом, три класса церковно-приходской школы, поездки с дедом на заработки, возчик на Нечаевском стекольном заводе – вот и вся “школа” и “университеты” знаменитого оружейника. Хотя нет, будут в жизни Георгия Шпагина и другие университеты.

В мае 1916 года паренька мобилизовали в армию. Здесь не обошлось без накладок. Ещё в юности Егор, как все его звали, серьёзно повредил кисть, вследствие чего новобранец вместо передовой оказался в оружейной мастерской 14-го гренадёрского грузинского полка, где стал слесарем-оружейником. И вот тут повезло, ибо оружейной мастерской руководил опытный тульский мастер Яков Дедилов. С этого времени начинается новая страница в жизни будущего известного конструктора. Заметив интерес Шпагина к станковым пулемётам, Дедилов, ставший его первым учителем, не раз повторял: – Тебе, Егор, сам Бог велел быть оружейником. У тебя и фамилия соответствующая – Шпагин. Не каждому такое даётся... Вот кончится война – приезжай ко мне в Тулу; из тебя выйдет знатный мастер-оружейник...

У Шпагина, и правда, многое получалось. Оказавшись в оружейной мастерской, он словно обрёл второе дыхание: к чему ни прикоснётся – всё доводит до ума. Любовь к конструированию и наблюдательность помогали сравнивать отечественные образцы оружия с иностранными.

Позже, вспоминая те дни, Георгий Семёнович скажет: “Я попал в обстановку, о которой мог только мечтать. В мастерской часами знакомился с различными образцами оружия, отечественными и иностранными. Передо мной открылся интереснейший раздел артиллерийской техники, при виде которой я чувствовал примерно то же, что умирающий от жажды перед родником ключевой воды”.

После демобилизации Шпагин уезжает в родную деревню, где вскоре женится на своей односельчанке Евдокии Дёминой. Трижды пришлось вчерашнему служивому свататься к своей Дуняше, чтобы добиться благосклонности её отца, зажиточного крестьянина – торговца дёгтем, не желавшего до поры

до времени видеть в зятях бывшего батрака. Да не на того напал! Характер у Шпагина оказался железным, как и то дело, которым он занимался.

Только зажили – началась гражданская война. Женатого крестьянина призвали в Красную армию; вскоре он был назначен оружейником 8-го стрелкового полка, расквартированного во Владимире.

Едва угасли всполохи гражданской, Георгий Семёнович поступает слесарем в опытную мастерскую Ковровской заводы. Лишь по прошествии времени Шпагин поймёт, как сильно ему тогда повезло: техническим директором мастерской был создатель первого в мире автомата (образца 1916 года) Владимир Григорьевич Фёдоров; а проектно-конструкторское бюро по разработке автоматического оружия возглавлял известный оружейник Василий Алексеевич Дегтярёв.

Очень быстро на молодого оружейника обратили внимание. Что бы ни делал Шпагин, во всё привносил он частичку своего творчества: если деталь казалась ему тяжёлой – облегал; большой – уменьшал, избавляясь от лишних заклёпок, сочленений, тяжеловесных элементов... Искусство заключалось в другом: шпагинские рацпредложения значительно улучшали как прочность конструкций и их долговечность, так и тактико-технические свойства изделий. Примером может служить созданный в 1922 году совместно с Фёдоровым 6,5 мм спаренный ручной пулемёт, который позже предложат установить в танке на раме с шаровой турелью. Однако последняя оказалась чрезвычайно сложной и громоздкой. Тогда за дело опять-таки взялся Шпагин: убрав более сорока деталей (!), он существенно изменил всю шаровую систему.

В 1929-м – очередная новинка от Шпагина: в паре с Дегтярёвым он создаёт шаровую установку для пехотного пулемёта ДТ в танке. Позже конструктор, не прибегая к существенным переделкам пулемёта Дегтярёва, сконструирует безотказно действующую систему подачи патронов, существенно увеличив его скорострельность. В результате новому пулемёту присвоят имя обоих конструкторов, назвав его ДШК – “ДЕГТЯРЕВ и ШПАГИН КРУПНОКАЛИБЕРНЫЙ”. В феврале 1939 года пулемёт ДШК (образца 1938 года) будет принят на вооружение в войсках ПВО, РККА и ВМФ.

Но всё это станет неким прологом к главному изобретению конструктора – его пистолету-пулемёту, знаменитому ППШ. Однако путь к нему окажется не так прост...

* * *

Как рассказали мне в шпагинском музее, Георгий Семёнович был так увлечён конструированием своего детища, что в конце тридцатых по вечерам, находясь дома, вырезал из картона элементы изделия и склеивал их... оконной замазкой. Смекалка, конечно, отменная, заметил я, однако пришлось добавить: подобная находчивость явилась, скорее всего, мерой *вынужденной*.

Теперь поясню. В ноябре 1939 года части Ленинградского военного округа и Балтийского флота, перейдя финскую границу, развили наступление в глубь территории соседнего государства. В Кремле не могли мириться с тем, что вчерашний сателлит угрожал нашим северо-западным границам. “Колыбель революции” – Ленинград – оказалась в каких-то считанных километрах от ближайшего финского пограничного поста. Случись война, вчерашняя столица Российской империи пала бы первой. Началась так называемая Зимняя война.

Однако надежды на быстрый успех не оправдались. За несколько месяцев упорных боёв в финских заснеженных лесах забуксовали и были уничтожены пять советских дивизий. Потери личного состава и техники были колоссальны: более 130 тысяч – только погибших; счёт раненых, больных и обмороженных шёл на сотни тысяч (приблизительно полмиллиона); 650 танков, более полутысячи самолётов... И хотя необходимые территории были отвоеваны, победа оказалась воистину пирровой...

Финская кампания явилась хорошим уроком, который в период подготовки к последовавшей Великой Отечественной войне следовало хорошенько вызубрить. Ведь до этого никто не задумывался, что в *кирзовых сапогах* воевать зимой невозможно – нужны *валенки*; на бесполезные на морозе и сильном ветру *будёновки* нельзя было даже надвинуть каску... Из финской армии, ко-

той же командовал бывший царский конногвардейский генерал Карл Маннергейм, нами были заимствованы шапки-ушанки, меховые полушубки, ватники (тёплые брюки на вате), белые маскхалаты. А разведывательные лыжные батальоны противника, нанёсшие нашим войскам серьёзный урон, заставили командование РККА создать подобные и в Красной армии. Кстати, эти маневренные лыжные подразделения сыграли в последующем заметную роль в войне с гитлеровцами в зимних условиях.

Зимняя война стала некой *рекогносцировкой* для последующих испытаний. Кто знает, не случись финской кампании, удалось бы нам отстоять Москву в лютые морозы 1941 года?..

Но было ещё одно. Знаменитой русской винтовке Мосина в той войне было противопоставлено нечто новое – финский автомат “Suomi”. Выяснилось, что пистолет-пулемёт “Suomi” (образца 1931 года) с его 70-патронным дисковым магазином показал себя незаменимым оружием в ближнем бою. В финском пехотном полку находилось 72 единицы этого оружия (по два на каждый взвод), то есть столько же, сколько и ручных пулемётов. Конечно, говорить о том, что “Suomi” решил исход той войны, было бы явным преувеличением, ведь количество их в финской армии было весьма ограничено – порядка *четырёх тысяч* на все вооружённые силы Финляндии, что составляло сущий мизер*.

Зимняя война наглядно продемонстрировала возможности компактного автоматического оружия, в частности, в пограничных частях, а также в диверсионно-разведывательной работе. Ничего удивительного, что советские оружейники взяли трофейный автомат в разработку.

Держал ли в руках Георгий Семёнович Шпагин до изобретения своего пистолета-пулемёта финский “Suomi”? Вне всякого сомнения. Как и более ранний образец немецкого пистолета-пулемёта MP-18 – “шмайссер” времён Первой мировой. Внешний вид “финна” и ППШ подтверждает: автоматы очень схожи. Нет, они не близнецы, но явно “братишки”, как германский “штурмгевер” и советский АК-47. И вот вопрос: не является ли подобная схожесть этаким плагиатом?

Никоим образом. В военно-промышленной гонке подобного термина не существует; зато действуют свои законы и правила, основное из которых гласит: изобретать повторно велосипед бессмысленно. Поэтому задачей любого оружейника является усовершенствование этого самого “велосипеда” настолько, насколько возможно. Каменный топор, изобретённый кем-то для разделки туш, когда-то тоже был новинкой, пока не появился бронзовый; и так – вплоть до изобретения... мясорубки.

А теперь зададимся вопросом: отчего это вдруг конструктор-оружейник после работы (дома, вечерами) начинает возиться с какими-то картонками и оконной замазкой? Почему бы этим ему не заняться в конструкторском бюро – с рейшиной и ватманом, в окружении коллег? То есть там, где были созданы все условия для полноценной работы? Скорее всего, для этого имелись свои причины, причём, надо думать, достаточно веские. Предположим, что в конструкторском бюро Шпагин работал над чем-то одним, а его пылкий ум изобретателя был занят совсем другим. Чем же?

Ответить на этот вопрос нам помогут... мемуары. Надеюсь, двух источников будет вполне достаточно, тем более что слова цитируемых мною ниже уважаемых персонажей касаются одного и того же – финского пистолета-пулемёта “Suomi”.

Из книги Главного маршала артиллерии Николая Николаевича Воронова “На службе военной”:

“Ещё в начале тридцатых годов нами был приобретён образец автомата “Суоми” и даже испытан комиссией специалистов по пехотному оружию. Комиссия вынесла решение: это полицейское оружие, для боевых действий войск непригодное. Конструирование и производство подобных автоматов сочтено было делом лишним. Советский конструктор В. Г. Фёдоров по собст-

* Основным стрелковым оружием финских военнослужащих, как, впрочем, и красноармейцев, являлась модернизированная винтовка Мосина; да и гитлеровцы в годы Великой Отечественной войны в массе своей воевали не с автоматами, а с карабинами Маузера образца 1935 года.

венной инициативе в те годы создал малоомощный автомат с патроном револьвера “наган”. После испытаний этот автомат также забраковали.

Теперь, столкнувшись с широким применением автоматов в финской армии, мы горько сожалели об этих просчётах.

Недооценка автомата объяснялась тем, что наши общевойсковые командиры слепо верили в силу одиночного винтовочного огня и боялись большого расхода боеприпасов. Многие говорили, что красноармейцу нельзя давать автоматическую винтовку, иначе патронов для неё не напасёшься. Идеальной считалась винтовка системы Мосина со скользящим затвором для ручного перезарядания после каждого выстрела. Надеялись на ручные и станковые пулемёты, которые имели хорошие баллистические качества, но излишне большого веса.

Теперь, уже во время боевых действий, началось лихорадочное конструирование и производство советских автоматов. Наш первенец – пистолет-пулемёт Г. С. Шпагина (ППШ) – с большой любовью был встречен в войсках**.

А сейчас обратимся к асу военной разведки и контрразведки – генерал-лейтенанту НКВД Павлу Анатольевичу Судоплатову:

“Накануне войны был назначен новый резидент в Финляндии – Елисей Тихонович Синицын. В отличие от Рыбкина, он был одновременно и временным поверенным в делах СССР, то есть исполнял обязанности посла. Синицын закончил разведывательную школу, <...> в совершенстве владел немецким языком и проявил незаурядные способности к агентурной работе. <...>

С Синицыным связан ещё один важный эпизод в истории разведки. Ему удалось установить наличие нового стрелкового оружия в финской армии. Это были знаменитые автоматы “Суоми”, которые имели довольно плотное огневое покрытие. Они были особенно эффективны для боевых действий в лесных массивах. Нам удалось по ориентирам Синицына через Швецию вывезти образцы автоматов в СССР. Однако когда об этом доложили, правительство расценило эту информацию как желание НКВД вооружить свои войска автоматическим оружием. Наркомат обороны вынес заключение: автоматы являются эффективным оружием только для правоохранительных органов. Невероятно, но это так: никому не пришло в голову немедленно использовать их для перевооружения стрелковых войск нашей армии накануне войны***.

Сопоставив прочитанное, обнаруживаем некую нестыковку. Так, судя по воспоминаниям Н. Н. Воронова, “Suomi” “был приобретён” в начале тридцатых годов***. Напомню, комкор Воронов был назначен начальником артиллерии РККА лишь в июне 1937 года (сменил на этом посту расстрелянного по делу Тухачевского комдива Роговского), а в начале тридцатых он командовал артиллерийским полком, чуть позже был начальником 1-й артиллерийской школы. Вряд ли комполка и даже начальник артшколы мог держать в руках иностранную новинку. Генерал Судоплатов уверяет, что “Suomi” (с большим трудом, через Швецию) удалось вывезти уже в ходе финской кампании (полпредом Синицын был командирован в Финляндию в ноябре 1939 года). Расхождение налицо. Кому верить?

На первый взгляд, конечно, маршалу артиллерии, который в вооружении разбирался наверняка лучше кого-либо; да и книгу воспоминаний писал в начале шестидесятых – на три десятка лет раньше именитого разведчика. С другой стороны, у генерала Судоплатова имелось существенное преимущество: его мемуары написаны в годы “перестройки”, когда уже можно было говорить, что называется, начистоту, называя вещи своими именами.

В любом случае, выводы напрашиваются сами собой. Первый: в начале тридцатых руководством РККА был представлен, скорее всего, не сам пистолет-пулемёт “Suomi”, а его чертежи; трофей как таковой был доставлен в Москву лишь в ходе финской кампании. И второй: роль автомата в современной войне руководство РККА поначалу явно недооценило; на зарубежную новинку просто-напросто закрыли глаза!

* Воронов Н. Н. На службе военной. М., Воениздат, 1963. С. 136-137.

** Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., “ОЛМА-ПРЕСС”, 2001. С. 92, 94-95.

*** По одной из версий, чертежи автомата “Суоми” в 1933 году передал советским спецслужбам финский офицер Вилто Пенттикяйнен. Однако в мемуарах Судоплатова об этом ни слова.

В мемуарах Воронова есть ещё одна подсказка, вчитаемся: “Советский конструктор В. Г. Фёдоров по собственной инициативе в те годы создал мало-мощный автомат с патроном револьвера “наган”...”

И сразу встречный вопрос: почему это известный оружейник Владимир Григорьевич Фёдоров (к слову, генерал-майор царской армии, с 1943-го – генерал-лейтенант Советской армии) в те годы занимался конструированием автомата “по собственной инициативе”? Думаю, ответ только один: да потому, что она, эта самая инициатива, исходила исключительно снизу, но не сверху – из Артуправления, наркомата или Кремля. Оттуда, скорее, летело нечто обратное: например, устные запретительные указания в отношении автоматического оружия и в то же время – рекомендательные в адрес винтовки Мосина и её усовершенствования. Ослушаться в те годы было себе дороже; вот оружейники и вынуждены были ломать голову по ночам, “по собственной инициативе”.

Серьёзно взглянуть на “Suomi” заставили события советско-финской кампании. Когда “молниеносная” война обернулась трагедией, в Кремле забеспокоились...

В отличие от “пламенных марксистов-ленинцев”, того же наркома Ворошилова или тов. Мехлиса, убедивших Сталина, что мосинской винтовкой воевать сподручнее и, главное, экономнее, Шпагин, будучи к тому времени опытным оружейником, быстро смекнул, что в будущей войне автомат может сыграть не последнюю роль, став надёжным оружием советского солдата.

Георгию Семёновичу Шпагину “финн” очень понравился. Если бы его существенно облегчить (слишком тяжёл: семь килограммов) и увеличить дальнобойность стрельбы – цены бы такому автомату не было! А семьдесят патронов в магазине – да это же мечта любого солдата в бою*. Вот откуда все эти картонки и оконная замазка; и кропотливая работа не в конструкторском бюро, а дома, подальше от посторонних глаз. Теперь понятно, что Шпагин (впрочем, как и Фёдоров) корпел над пистолетом-пулемётом всё по той же “собственной инициативе”.

И, работая на опережение, конструктор оказался прав. Ещё не стихли выстрелы последних сражений, а советским оружейникам уже летит команда: нужен отечественный автомат не хуже финского! С артиллерийских складов извлекаются и отправляются в войска сражавшиеся в Карелии дегтярёвские пулемёты ППД и автоматические карабины Фёдорова. Однако их явно недостаточно. Кроме того, старое автоматическое оружие на поверку оказалось маломощным и не отвечало требованиям текущего момента.

Тут-то Шпагин и предъявил своё детище, которое, пройдя все комиссии, не без “шероховатостей” выиграло конкурс на самый лучший пистолет-пулемёт того времени. И это, действительно, было так...

Но не всё так просто.

Дело в том, что Василий Дегтярёв, несмотря на хорошие отношения со Шпагиным, поначалу вообще отверг саму идею штамповки автоматического оружия. Ходили слухи, когда Георгий Семёнович предложил ему подобную методику, тот даже не стал слушать, настолько она показалась ему абсурдной. Хотя, подумав какое-то время, позже подошёл к Шпагину и сказал:

– Ну, где твой макет? Давай сюда...

И лично отвёз макет будущего ППШ в Главное артиллерийское управление.

Самой серьёзной “шероховатостью” для Шпагина стал представленный комиссии пистолет-пулемёт конкурента в лице оружейного конструктора Бориса Шпитального (создатель 7,62 мм скорострельного авиационного пулемёта ШКАС и 12,7 мм авиационного пулемёта ШВАК). Однако пехотное оружие Шпитального почти на килограмм оказалось тяжелее шпагинского, сложнее в производстве и дороже. Это и решило исход конкурса...

* * *

ППШ-41, как называли “детище”, получился на славу! Впервые был создан образец стрелкового оружия, в котором большинство металлических деталей изготавливалось методом холодной штамповки с применением точечной и ду-

* Для справки: финский “Suomi” был разработан под патрон 9x19 мм германского Parabellum’a; ППШ-41 – под отечественный патрон 7,62x25 мм ТТ.

говой электросварки. Лишь ствол, в частности, его канал приходилось доводить на металлообрабатывающих станках. И это был настоящий прорыв! Производство не требовало применения легированных сталей и специального инструмента. Всё это, как и минимум резьбовых соединений, делало изделие вполне доступным для массового изготовления даже на неспециализированных машиностроительных заводах. При сборке рабочими невысокой квалификации на изготовление пистолета-пулемёта затрачивалось времени в два раза меньше, чем того требовал отечественный пулемёт Дегтярёва; да и немецкий автомат MP-40 (он же автомат Фолмера, за которым, по аналогии с первым германским автоматом из серии "MP", прочно закрепилось название "шмайссер") собирался намного дольше. Таким образом, преимущества новинки были налицо.

Новое стрелковое оружие отвечало основным требованиям, предъявляемым к отечественному пистолету-пулемёту: при относительной дешевизне производства была достигнута высокая скорострельность – в среднем до 1 000 выстрелов в минуту (для сравнения: за то же время из винтовки Мосина можно было произвести только 3 прицельных выстрела). Пистолет-пулемёт Шпагина был снабжён предохранителем и секторным прицелом, а также двухрежимным переводчиком огня, стрельба велась как одиночным огнём (эффективность до 300–350 м), так и короткими очередями (до 200 м). К слову, германский MP-40 мог вести огонь только очередями, что вело к перерасходу патронов. Лёгкий, удобный, неприхотлив и даже... красив. Да-да, кто-то тут же прозвал русскую новинку "курносый задирай", хотя фронтовики окрестили его по-своему – "папашей". Оружие разбиралось всего на 5 частей, что позволяло красноармейцам его быстро осваивать; при этом он хорошо заряжался и разряжался...

Круглый барабанный магазин ППШ вмещал 71 патрон, что в ближнем бою делало его незаменимым. Опять же для сравнения: магазин немецкого "шмайссера" вмещал патронов намного меньше – 32; да и стрелял он похуже – не далее двухсот метров.

И это оказалось личной победой конструктора Шпагина! Остальное, знал он, окупится сторицей. В этом Георгий Семёнович ничуть не сомневался. Как и в том, что эта его маленькая победа станет прологом другой – той, которую потомки назовут **Великой Победой**.

21 декабря 1940 года постановлением Комитета Обороны 7,62 мм пистолет-пулемёт системы Шпагина (ППШ-41) калибра 7,62 был принят на вооружение РККА. Самому конструктору за его изобретение было присвоено звание лауреата Сталинской премии.

Первоначально ППШ производился на бывшем заводе скобяных изделий в подмосковном Загорске. Однако с началом Великой Отечественной войны правительством было принято решение об эвакуации Загорского завода в рабочий посёлок Вятские Поляны Кировской области. Вместе с эвакуированным заводом туда с семьёй переехал и Георгий Семёнович Шпагин. С приездом в Вятские Поляны начались тревожные военные будни главного конструктора завода по выпуску столь необходимой фронту и стране продукции – стрелкового оружия.

Эвакуация подмосковного завода была проведена хоть и спешно, но достаточно организованно: за срыв операции каждый из ответственных лиц рисковал в прямом смысле головой. Вагоны эшелона располагались в строгой последовательности – для того, чтобы работа по разгрузке и дальнейшей установке станков в цехах заняла как можно меньше времени.

Стоит ли говорить, что главный конструктор все дни и ночи проводил в цехах завода. Враг рвался к Москве и Ленинграду, силы были неравны – на мощь Вермахта горбатилась вся Европа. Каждый день просрочки, понимал Шпагин, мог обернуться трагедией для страны. Как вспоминали дочери Георгия Семёновича, в первые дни на новом месте им было очень непривычно видеть своего отца в сапогах, на которые были надеты резиновые калоши, привязанные к сапогам верёвкой.

– Грязюка такая, что только так и можно пройти, – улыбался он в ответ на удивлённые взгляды дочерей.

Уже к концу 1941 года “шпагинский конвейер” работал, как отлаженный механизм. Следует заметить, живой механизм. У конвейера наравне с мужчинами стояли женщины и подростки.

Чем дальше от нас война, тем бесценнее воспоминания тех, кто помнит ту героическую эпоху. Начиная с определённого возраста, удивить чем-то достаточно трудно, хотя и случается. И раньше мне приходилось слышать и читать, как женщины и подростки в военные годы “ковали Победу”; о безотцовщине; о чьём-то голодном детстве — с гнилой картошкой и лаптями... Но всё это было слишком далеко; как-то неощутимо и недосыгаемо, что ли. И вдруг...

Вспоминает Нина Алексеевна Феоктистова:

“В ноябре сорок второго я пошла на завод. И сразу угодила в сборочный цех, где меня определили гравировщицей. Занималась тем, что гравировала номера на стволах ППШ. Росточком-то маленькая была, ребёнок совсем. Поэтому мне подставляли под ноги ящичек, на который я, встав, могла дотянуться до детали, то есть до ствольной коробки. У меня в руках была электрическая ручка, которой я выбивала индивидуальный номер детали. Изделие двигалось по конвейеру в разобранном виде. Моя подруга, Рита Рябова, которая постарше была, в девках уже, работала рядом, она специальным молотком клеймила ствольную коробку и, в отличие от меня, сидела на табуретке. Лента конвейера медленно двигалась, вдоль неё рядом со мною сидело ещё несколько подростков...

Завод работал в две смены. Работать приходилось много, наравне со взрослыми, по двенадцать часов. В пересменки — все восемнадцать. Что такое пересменка? Это когда, скажем, из ночной смены тут же переклюдились на дневную. Домой уже не идёшь, отдыхаешь там же, в цехе; приходилось спать под конвейером, а куда деваться-то? Домой идти нет времени. Потом — вновь за дело. Зато опять-таки наравне со взрослыми получали и продуктовые карточки: крупа, семьсот граммов хлеба, масло... Летом на работу ходили пешком, босиком. Представьте, всю дорогу от станции до завода босиком... А городского транспорта не было. И у станка стояли босые.

И вот однажды вышел приказ директора завода, запрещавший находиться на рабочем месте босым. Строгий запрет! Собралось нас десятка два гавриков и стали ломать голову: как быть? Мы были бы не мы, если б чего-нибудь не придумали. Разбрелись по территории завода в поисках бросовой рабочей обуви — старья всякого. Так вот и “обулись”. Но план не сорвали!

Под руководством признанного передовика производства Николая Пантелеевича Мисника на заводе была создана так называемая первая фронтальная комсомольско-молодёжная бригада. Работали ударно, жили очень дружно, ведь перед глазами был лозунг: “Всё — для фронта, всё — для победы!”... А то, что победим, — ничуть не сомневались!

С Георгием Семёновичем Шпагиным познакомилась где-то через месяц после того, как пришла на завод. Помню, была ночная смена. Стою на своём ящике, а тут подходит начальник цеха в сопровождении невысокого мужчины — это и был Шпагин. Встали у конвейера, внимательно следят за работой. Потом Шпагин подошёл ко мне, обнял:

— Ящик-то подобрали в самый раз, — повернулся он к начальнику цеха.

Потом обратился ко мне: — Откуда ты, девочка?

— Со станции, колхозники мы... Тяжело стало без отца-то, умер ещё до войны, вот и пошла на завод, — бойко отвечаю ему.

— Что хотела бы? — поинтересовался он.

— Поесть бы... Да выспаться хорошенько.

— Держитесь, детки, — вздохнул Шпагин. — Вот кончится война, одолеем немца, тогда и наедитесь досыта, и выспитесь. Да и вообще, жизнь у вас, у молодёжи, совсем другая будет — счастливая...

Уже отходя от меня, вновь повернулся к начальнику цеха:

— А почему подросток работает без очков?!

Тот встрепетнулся:

— Исправим...

Позже Шпагин много раз приходил к нам, подросткам; в основном, появлялся по ночам. Невысокий росточком, остроносенький, русоволосый. Ста-

рался подоить к каждому — что-то подкажет, подбодрит. Иногда кому-нибудь давал талон на бесплатной обед в заводской столовой. Одевался скромно: летом — в полувоенной форме, брюках-галифе, заправленных в сапоги; зимой — в пальто опять же полувоенного образца или кожаном плаще, на ногах — белые бурки, на голове — серая папаха... Постепенно мы к конструктору как-то попривыкли, стали здороваться. Чувствовалось, что Георгий Семёнович очень любил детей, тянулся к ним...

Вспоминая те годы, скажу: много горя принесли нам эти фашисты. Как мы все хотели кушать! Только об этом и думали — где бы поесть. Летом, конечно, было легче; в еду шло всё: крапива, щавель, лебеда — на ура! Однажды сильно провинилась. Хлеб, который выдавали на заводе, приносила домой, маме. А уж она сама его на всех распределяла. И вот как-то ужасно проголодалась и, не выдержав, одним махом съела весь хлеб... Пришла домой, мама спрашивает: “А хлеб-то где?” А мне и сказать ей нечего. До сих пор не могу забыть...

А с обувью-то мы вопрос потом решили: стали в лаптях ходить. Молодые ребята, приехавшие в Вятские Поляны с заводом из Загорска, над нами посмеивались: “Какие странные у вас, девчонки, туфли в клеточку...” А нам-то что? Зато в передовиках ходили, гордились! Все комсомольцами были...

Что после такого можно сказать? Только одно: смахнув навернувшуюся слезу, молча поклониться. А ещё, вспомнив слова Шпагина, искренне поблагодарить: **“Спасибо вам, детки...”**

* * *

Отдых в кругу семьи приносил спокойствие.

Рассказывает Надежда Борисовна Шпагина, внучка Г. С. Шпагина:

“По воспоминаниям мамы, семья у них была дружная; каждый помогал и поддерживал друг друга. Бабушка, Евдокия Павловна, была отличной хозяйкой. У неё было красивое, открытое лицо — лицо истинной русской женщины. Много трудилась как по дому, так и по хозяйству вообще — в огороде, со скотиной... Насколько знаю, одно время они держали хрюка Борьку и корову. Вставали с рассветом — и за работу. У дедушки, Георгия Семёновича, была лодка, с которой он рыбачил на Вятке. Ну, и охотником считался знатным — не дело оружейнику быть плохим стрелком.

Из еды дедушка обожал вятские пельмени, пироги с капустой, мясом и грибами. Бабушка готовила вкусные щи из квашеной капусты и сухих грибов.

Внешне дедушка был худой, среднего роста, со светлыми волосами и красивыми серыми глазами. Любил возиться с железяками и при этом был хорошим столяром. А уж как песни пел! Если, скажем, запевал “Хасбулат удалой”, так пока все двадцать с лишним куплетов не споёт, не успокоится. Обо-жал русские романсы: “Хризантемы”, “Пара гнедых”, “Не уходи, побудь со мной...”. Из дочерей его любимицей считалась моя мама, Евгения Георгиевича, которая на него, к слову, очень походила; бабушке ближе была Наталья — шустрая, боевая была и притом домовитая, со временем хорошей помощницей по хозяйству стала. Хотя, сказать по правде, родители сильно любили всех, а дедушка старался ещё и баловать.

Не следует забывать, что годы были тяжёлые. Вся одежда в семье шилась; что не донашивали старшие дети, доставалось младшим, так сказать, по наследству; аналогичным образом обстояло дело и с обувью. Жили очень скромно. Кстати, эта скромность передалась и следующим поколениям Шпагиных — дочерям и внукам. К хлебу в семье относились, как к величайшей святыне; бабушка обычно пекла его сама.

Иногда дедушка приводил домой какого-нибудь гостя. Человек непьющий, тем не менее в такие минуты первое, что он говорил хозяйке, было: “Сходи-ка за чекушкой”. Бабушка с пониманием кивала и... доставала из только ей известного местечка небольшую четвертьлитровую бутылку, прозванную местными “чекушкой”, и ставила её на стол. И при этом хорошо знала, что после какого-то времени дедушка попросит ещё одну такую же. Поэтому у бабушки всегда “на всякий случай” хранились две “чекушки”. И вот однажды по этому поводу произошёл конфуз. Дедушка привёл гостя, потребовал от жены “чекушку”; та выставила. Когда понадобилась вторая, бабушка

и говорит: “А больше нет”. — “Как это нет?” — спросил дедушка. Он был так удивлён и озадачен этим обстоятельством, что с тех пор бабушка про заветные две “чекушки” никогда не забывала. . . Что и говорить, Евдокия Павловна была, что называется, “мужнина жена” . . .”

Хорошими словами вспоминают в Вятских Полянах и дочерей Георгия Семёновича и Евдокии Павловны, воспитанных родителями скромными и прилежными.

“Я хорошо помню младшую дочь Шпагиных — Марусю, — рассказывает жительница г. Вятские Поляны Мальвина Андреевна Попугаева. — В школе мы называли её Мусей. Я с ней училась в одном классе, и мы даже были подругами и сидели за одной партой. Обычная девочка, невысокого роста, с русыми волосами; училась хорошо, как и большинство из нас. Да и одевалась, как все мы, простенько. Хотя, помню, у неё было оригинальное пальто — с капюшоном и муфтой. Ни у кого из нас в те годы ничего подобного не было. Муся никогда не выпячивалась, со всеми вела себя ровно, была хорошей подругой. Здесь же, в Вятских Полянах, она закончила десятилетку.

Если говорить в целом о семье Шпагиных, это была простая, хорошая семья. Обстановка в доме — очень скромная; на столе — никаких деликатесов; жили без всяких излишеств. Мама у Муси была очень приветливой и дружелюбной женщиной; Георгия Семёновича видела редко. . .”

* * *

Действительно, главного конструктора в городе видели нечасто, ведь большую часть времени он проводил там, “за стеной”, как называли жители высокий забор строго засекреченного военного завода.

А работы было много. С фронта стали приходиться первые отзывы о пистолете-пулемёте. Хорош был “папаша”, но использование его непосредственно в деле, как это часто бывает, выявило всякого рода недостатки. Больше всего нареканий шло в адрес барабанного магазина, который из-за его большой вместимости оказался слишком тяжёл, да и, жаловались, громоздок. Кроме того, магазины ППШ-41 требовали индивидуальной подгонки. К каждому экземпляру пистолета-пулемёта прилагалось по два индивидуальных диска. И это было не совсем удобно: потеряйся магазины — впору выкидывать и само оружие; чтобы воспользоваться магазином товарища — не могло быть речи: не подходил. Правда, нашим фронтовым кулибиным под силу было и не такое, а уж сделать магазин универсальным — пара пустяков! Тем не менее. . . Кроме того, имелись некоторые проблемы с предохранителем. При ударе прикладом о землю или о твёрдый предмет зачастую происходили самопроизвольные выстрелы. Выявились и прочие не самые лучшие стороны ППШ. И со всем этим следовало что-то делать.

Шпагин не растерялся, и в кратчайшие сроки его конструкторское бюро устранило все недостатки. С февраля 1942 года барабанный магазин пистолета-пулемёта Шпагина постепенно заменяется секторным на 35 патронов, изготовленным из стального листа толщиной 0,5 мм. Однако фронтовая обкатка новинки выявила его недостаток: тонкая сталь часто подвергалась деформированию. И снова — бессонные ночи и изматывающие эксперименты. Уже в 1943 году секторные магазины ППШ выпускаются из стального листа толщиной 1 мм, что обеспечило их безотказность. А хромирование канала ствола пистолета-пулемёта позволило повысить живучесть оружия.

Однако любое усовершенствование должно было преследовать ещё одну цель — максимальное удешевление производства. Формула “дешевле — и лучше”, по сути, является двигателем любого новатора. И здесь Георгий Семёнович преуспел: внедрение конструкторским бюро под его руководством существенных изменений производства пистолета-пулемёта позволило снизить себестоимость ППШ с 500 рублей в 1941 году до 142 рублей в 1943-м. И это явилось очередной крупной победой как лично Шпагина, так и всего коллектива завода.

Один случай из жизни Георгия Семёновича Шпагина в Вятских Полянах его потомки вспоминают особенно часто. А произошло следующее: зимой

1942 года Шпагин... исчез. Нет, его не вывез тёмной ночью энкавэдэшный "воронок" – конструктор вызвали в Москву, к тов. Сталину. И вот после отъезда в столицу Шпагин *пропал*. Прошла неделя, другая, а его всё нет. Тревожно потянулась третья... Ни слуху, ни духу... Что такое в то время было оказаться на приёме у вождя, было хорошо известно.

*"Мы были все перепуганы, – вспоминала дочь конструктора Наталья Георгиевна. – Причина вызова была никому не известна. Только через три недели папа вернулся в Вятские Поляны и... на машине "эмка". Это был личный подарок т. Сталина за разгром немцев под Москвой. Папа гнал машину сам своим ходом"**.

Добавлю лишь, что шпагинская "эмка", как подсказали в Доме-музее Г. С. Шпагина, стала первым легковым автомобилем в Вятских Полянах...

* * *

Работая на Вятскополянском заводе, Георгий Семёнович был занят не только пистолетом-пулемётом. Им был сконструирован 26-миллиметровый сигнальный пистолет ОПШ-1 (принят на вооружение в 1943 году; доработанный вариант – СПШ-2), а в 1944 году – 40-миллиметровая ракетница для распознавания самолётов в воздухе.

Однако о своём "детиче" конструктор не забывал. В конце войны Шпагин на основе ППШ-41 и ППШ-42 создал новый образец пистолета-пулемёта, представлявший собой цельнометаллический вариант с вкладным сложносочленённым прикладом; была изменена конструкция предохранителя, питание – из секторного магазина на 35 патронов; секторный прицел – до 500 метров...

Но и это не всё. Конструктор много работал с трофейным оружием. В ответ на германские автоматы с "кривым стволом", созданные для экипажей танков с целью борьбы с гранатомётчиками противника в так называемых "мёртвых зонах", он разработал оригинальный вариант своего ППШ-41 с искривлённым каналом ствола.

В Кремле высоко ценили труд знаменитого конструктора. В феврале 1942 года Г. С. Шпагин был награждён орденом Ленина. В августе 1944 года Георгий Семёнович награждается вторым орденом Ленина, а в ноябре того же года – орденом Суворова второй степени.

Победу над гитлеровской Германией Г. С. Шпагин встретил на своём боевом посту – на военном заводе в Вятских Полянах.

Вспоминает Мальвина Андреевна Попугаева:

"Георгий Семёнович Шпагин запомнился мне как простой и общительный человек. Хорошо помню его выступление с заводской трибуны девятого мая сорок пятого года. Измученные войной люди ликовали: Георгий Семёнович поздравлял всех с великой Победой..."

После войны Шпагин с семьёй остался жить в Вятских Полянах и неоднократно выступал в школах, пионерских лагерях. В бытность мою пионервожатой в пионерлагере мы принимали знаменитого конструктора в почётные пионеры и повязывали ему на шею красный пионерский галстук..."

В сентябре 1945 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил Георгию Семёновичу Шпагину звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали "Серп и Молот". Был отмечен и коллектив Вятскополянского машиностроительного завода, который был награждён орденом Ленина.

То была награда Родины за подвиг во имя Победы...

* * *

И всё же Георгий Семёнович Шпагин оставался простым человеком. Одним из его страстных увлечений была охота: зимой – на зайца с гончими, весной и осенью – на уток. Как рассказывают, в те годы на заводе сложилась дружная компания охотников. Будучи фанатом орудийного дела, Шпагин был

* Из фондов Вятскополянского исторического музея.

непрезвзойдённым стрелком. Хотя на охоту выезжал больше для того, чтобы развеяться, собраться с мыслями, нежели ради убийства как такового.

Из воспоминаний Виктора Ивановича Недорезова, жителя г. Вятские Поляны:

“Впервые с Георгием Семёновичем Шпагиным я встретился в сорок девятом году, мне тогда шестой годок шёл. Маленький был, но всё хорошо помню. Наша деревня Новотроицк Кукморского района Татарии располагалась в двадцати километрах от Вятских Полян. И вот как-то по осени, ближе к октябрьским праздникам, приезжают трое – Шпагин, Ледовский, начальник заводского бюро рацпредложений, и главный инженер завода Петров. Сказали, что приехали поохотиться. А дома – только дед с бабушкой да я, мальчонка. Гостям у нас понравилось: хорошо, просторно, для всех места хватит. А тут ещё дед им и говорит: хорошая, мол, может быть в этих местах охота, зайцев – уйма! И правда. Те вышли за околицу и вскоре вернулись с двумя убитыми зайцами. Решено, говорят, остаёмся у вас... Трофеи отдали бабушке, попросили потушить. Сами снова отправились на охоту. Вернулись – уже и ужин готов: на столе тушёная зайчатина с картошечкой в двенадцатилитровом чугушке. Гости довольны, тем более что принесли ещё нескольких зайцев и лисицу. Потом стемнело. А света у нас в деревне не было, пользовались керосиновой лампой. Топилась русская печь и ещё “буржуйка”. Было тепло и уютно. В общем, в тот вечер Шпагин и его товарищи поужинали на славу. По крайней мере, по всему было видно, что они остались довольны.

После ужина Георгий Семёнович взял меня на руки и, посадив на колени, спросил:

– Москву видишь?

– Не-а, – замотал я головой.

– Вырастешь – увидишь, – сказал, засмеявшись, Шпагин. – Очень красивый город...

Больше в тот год о Шпагине ничего не помню. Дедушка говорил, что охотники обещали приехать ещё...

В следующий раз Шпагин приехал к нам ровно через год, тоже в октябрьские. И привёз мне гостинец – круглое печенье в упаковке. Когда меня увидел – улыбнулся, протянул это самое печенье:

– Держи, Витя...

У нас в деревне ничего подобного я не видывал, поэтому принял угощение за игрушку. Бросил на пол и давай пинать и играть. Шпагин поднял пачку, достал печенинку и объяснил мне, что её нужно есть. Выхватив у него из рук всю пачку, я стремглав бросился в чулан и стал жадно поедать одну печенинку за другой. Не вышел из чулана, пока не съел всё.

В тот год Шпагин вновь охотился на зайцев. Много тогда трофеев принесли. И вновь был вечер у огня... Бабушка сидела рядом с охотниками и прядла пряжу. Георгий Семёнович увидел, чем она занимается, захотел сам сесть за прялку и попробовать. Та ему показала, что к чему, дала в руки веретено. Шпагин улыбнулся, взял веретено и принялся накручивать шерсть. И так это ловко у него получалось, что бабушка только дивилась:

– Лучше, чем у меня, Георгий, получается...

Потом охотники пошли в баню. Напарившись, они выбегали оттуда покрасневшиеся, обтирались у овина снегом, которого в тот год было много. После бани пили чай из двухведёрного дедушкиного самовара. Надо сказать, вода у нас в деревне была отменная, родниковая – чистая, как слеза. Поэтому и чай – с малиновым листом, мятой – получился душистый. Гости пропотели, были довольны... Я тем временем залез в их машину и нажал на сигнал. Хотел подурочить, но сильно испугался...

На следующий год, в пятьдесят первом, уже всё было не так. Стоял сентябрь месяц. Накануне дед с бабушкой Шпагина сильно ждали, да и отец – тоже.

– Георгий-то придет, нет? – волновалась бабушка.

– Да придет, придет твой Георгий, – успокаивал её дед.

Шпагин приехал с новым директором завода Болтушкиным; был сезон охоты на водоплавающую птицу. Но не это главное. Главное было в другом: Георгий Семёнович был уже не тот. Он плохо выглядел, как-то осунулся, был не весел...

– Что-то грустный ты в этот раз, Георгий, – обратилась к Шпагину бабушка. – Случилось что?

— Да вот, сделали операцию... — вздохнул тот. — Только на самом деле... ничего не сделали. Вскрыли — да зашили...

Моего отца, инвалида войны, позже Шпагин устроил плотником в двадцать третий цех. Поэтому смерть легендарного конструктора явилась для нашей семьи личным горем — настоящим потрясением. Помню, отец пришёл домой, мнётся у двери, молчит. А мать ему:

— Вижу, уши красные! Опять, что ли, выпимши?..

А отец, чуть не плача, отвечает:

— Горе-то, горе великое... Умер Шпагин!.. ”

* * *

Болезнь навалилась внезапно. Георгий Семёнович давно привык к этим ноющим, изматывающим болям в области желудка, но у кого в те годы не было гастрита или язвы? Вот и со своей “мучительницей”—язвой он уже давно научился справляться самостоятельно: после небольшого количества спасительной соды на некоторое время наступало спокойствие. Следовало, как советовали доктора, съездить в санаторий на минеральные воды, но всё как-то не получалось. Хоть и закончилась война, а дел по-прежнему было невпроворот.

Однако с некоторых пор что-то там, внутри, изменилось. Всё реже помогала сода, не говоря уж о лекарствах, назначаемых местными докторами и даже московскими светилами. Стало ясно: тянуть с язвой больше нельзя. Когда стал заметно худеть и слабеть, пришлось в который раз ехать в столицу. На этот раз — на операцию.

В Кремлёвской больнице конструктор попал в надёжные руки Прасковьи Николаевны Мошенцевой — хирурга, чей скальпель спас сотни человеческих жизней. Однако в случае со Шпагиным всё оказалось сложнее.

Из воспоминаний П. Н. Мошенцевой:

“В больнице, что в Сокольниках, лечился у меня Георгий Семенович Шпагин... Он был истинным самородком. Мне всегда казалось, что подлинные таланты чаще появляются не в столицах, а в провинции, из простого народа. Их никто не “двигает”. Всё достигнутое и созданное ими — плод личного таланта, ума, золотых рук. И как бы сегодня ни чернили прошлое, дорогу таким людям давала именно советская власть.

Взять хотя бы того же Шпагина. За свои изобретения он был награждён пятью орденами! Когда рассказывал, как в Кремле ему вручали третий по счёту орден Ленина, глаза его сияли.

Но Шпагин умирал. Мы знали, что у него рак желудка. На операцию решились только потому, что надеялись продлить жизнь, если что-то удалим.

Эта операция преследует меня постоянно. Вот и сейчас, как киноплёнку, прокручиваю все её детали. Сестра надевает мне на руки перчатки. Больной уже лежит на операционном столе. Анестезиолог ждёт указания начать наркоз. Больной засыпает. Начинаю обработку операционного поля...

— Скальпель, — в который раз произношу я. Делаю разрез... Специальными зажимами перевязываем сосуды... Огромная лампа над столом освещает операционное поле. Начинаю смотреть, что же у больного. У Шпагина желудок полностью поражен метастазами. Смотрим дальше. Но что толку? Вокруг желудка — сплошная опухоль. Невозможно что-либо сделать. Всё! Кончено! Операция бесполезна. Я зашиваю больного.

В такие минуты не хочется жить, наваливается что-то страшное и тёмное. Я беспомощна. Беспомощны все, кто рядом. Беспомощна медицина.

Шпагина перевезли в палату. Когда он пришёл в сознание, я сказала:

— Георгий Семёнович, всё, что могли, мы сделали.

Он не задавал вопросов. Видел по моим глазам, как прошла операция. Потом сказал:

— Прасковья Николаевна, не надо, не рассказывайте, не говорите ничего. Я вас благодарю за всё...

Вскоре он умер, ему было 55 лет... ”*

* Мошенцева П. Н. Тайны Кремлёвской больницы, или Как умирали вожди. М., “Алгоритм: Эксмо”, 2013. С. 146-147.

Почти год Георгий Семёнович Шпагин боролся со страшным недугом, испепелявшим его изнутри: засиживался за чертежами, встречался с коллегами, рыбачил на Вятке и даже, как уже говорилось, ездил на охоту. Но в душе понимал: обречён.

Легендарный конструктор умер 6 февраля 1952 года в Москве. Вопрос о месте захоронения даже не обсуждался – только на Новодевичьем кладбище. Так распорядился Сталин. . .

У этого человека никогда не было трений с властями. Шпагин уважал ту власть – Советскую власть, – которая дала ему всё; да и он сделал для неё немало. А ещё этот человек страстно любил свою Родину.

Надежда Борисовна Шпагина, внучка Г. С. Шпагина:

“Дедушка был настоящим коммунистом. Помните фильм “Коммунист”? Вот это что-то от него. . . Георгия Семёновича очень уважал Берия. В годы репрессий никто из наших родственников не пострадал. Хотя, по правде, дедушка ходил буквально по лезвию бритвы. Зная о его хороших отношениях с Берией, некоторые знакомые, чьи родственники подверглись репрессиям и оказались за решёткой, обращались к нему за помощью. Интересно, что почти все, за кого дедушка ходатайствовал, рано или поздно оказывались в свободе. Так что за правду был готов рисковать собственной головой. И рисковал. Такой уж был – настоящий коммунист и настоящий человек. И всё это – при его удивительной скромности. . .”

Именно таким и останется в нашей памяти легендарный конструктор. Коммунист. Патриот. Человек, отдавший всего себя служению Родине.

Некоторые называют Шпагина полководцем тыла. Соглашусь, но только отчасти. Георгий Семёнович Шпагин – полководец переднего края. И это, на мой взгляд, вполне справедливо. Ведь когда в страну вторглись вражеские орды, первый ощутимый щелчок по звериному носу, помимо прочего, нанёс и его непобедимый пистолет-пулемёт.

Им и поклонимся – **КОНСТРУКТОРУ** и его скромному труду войны – Предвестнику Победы от **Шпагина**. . .

Автор благодарит за помощь в подготовке материала директора Вятскополянского исторического музея Пислегину Марину Юрьевну и заведующую Вятскополянским мемориальным Домом-музеем Г. С. Шпагина Анису Фирзаильевну Халимову. А также В. И. Недорезова, М. А. Попугаеву, Н. А. Феоктистову, Н. Б. Шпагину и Г. И. Шушпанову.